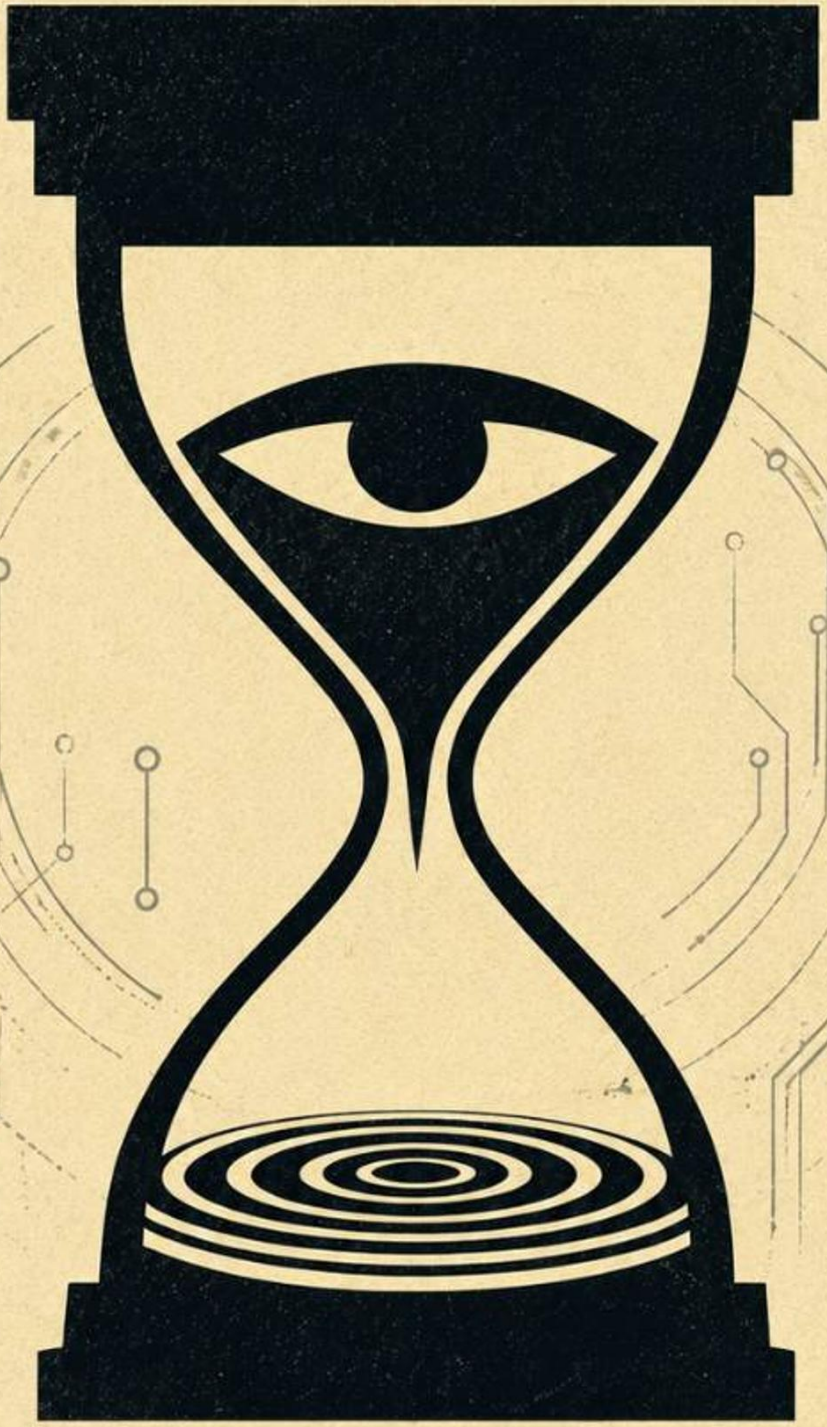
Олег Сабанов

ПЛОТНОСТЬ ВЗГЛЯДА

Олег Сабанов

Плотность взгляда

«Автор»
2026

Сабанов О. А.

Плотность взгляда / О. А. Сабанов — «Автор», 2026

После открытия технологии, позволившей заглянуть в любую точку прошлого, человечество лишилось всех тайн. Владелец небольшого хроно-салона втайне продает уставшим от горькой правды клиентам «отретушированные» воспоминания, пока не узнает, что пристальные взгляды из будущего способны тревожить само прошлое и оставлять трещины в настоящем.

© Сабанов О. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тариф «Ностальгия» 5
Глава 2. Эффект присутствия 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Плотность взгляда

Глава 1. Тариф «Ностальгия»

Люди устроены до смешного нелепо: веками они молили небо об абсолютной истине, а получив ее в виде дешевого почасового сервиса, тут же принялись искать способ снова себя обмануть. С годами я привык не осуждать эту слабость в них, тем более что именно она приносит мне основной доход, позволяя исправно платить за аренду полуподвала и покупать хороший кофе.

Когда три года назад случился так называемый Просвет — официальная наука именовала его Квантовой реконструкцией прошлого, но в народе прижилось именно это короткое, как вспышка фотоаппарата, словечко, — человечество пережило неделю коллективного безумия. Выяснилось, что гравитационное поле Земли подобно гигантской магнитной ленте хранит отпечаток каждого фотона и каждого звукового колебания, когда-либо сотрясавших воздух. Достаточно было настроить дешевый китайский декодер на нужные пространственно-временные координаты, и на экране монитора открывалось окно в любую точку минувшего. Без возможности что-либо поменять, без перемотки вперед — только прямой эфир из вчерашнего дня, в реальном времени и с безупречным, как у современных кинокамер, разрешением.

Поначалу казалось, что наступил золотой век. Историки, конспирологи, следователи и просто праздношатающиеся зеваки штурмовали первые хроно-центры, словно голодные псы, дорвавшиеся до мясной лавки. За первую же неделю были раскрыты все главные загадки планеты. И тут наступило великое похмелье.

Оказалось, что правда скучна, грязна и до тошноты банальна. Перевал Дятлова, убийство Кеннеди, судьба Янтарной комнаты, исчезновение библиотеки Ивана Грозного — все это при ближайшем рассмотрении оказалось чередой глупых случайностей, пьяных ошибок и бытовой неразберихи. Великие полководцы перед решающими битвами мучились несварением желудка и матерились на чем свет стоит, гениальные открытия совершались по недосмотру, а романтические подвиги прошлого вблизи пахли потом, дешевым табаком и корыстью.

Искусство рухнуло следом за историей. Кому нужен исторический блокбастер с бюджетом в двести миллионов, если за сто пятьдесят рублей в час в полуподвальном салоне у метро можно вживую поглядеть на штурм Бастилии? Правда, выяснилось, что никакого героического штурма не было — толпа поорала у ворот, перепилась и разошлась еще до обеда. Писатели, сценаристы и сыщики разом остались без работы. Люди с ужасом поняли, что всю свою историю они любили не истину, а тайну, легенду, недосказанность. Когда с мира сорвали позолоченную вуаль загадочности, под ней обнаружился серый, унылый бетон.

Именно на этом всеобщем разочаровании я и построил свой скромный бизнес.

Мой хроно-салон «Вчера.ру» занимал цокольный этаж старой хрущевки в спальном районе и ничем не отличался от компьютерных клубов начала двухтысячных. Тот же запах растворимого кофе из автомата, протертый до белых пятен линолеум, гул вентиляторов, охлаждающих серверные стойки, и восемь тесных кабинок, отгороженных друг от друга дешевым пластиком. Над стойкой администратора висела распечатанная на принтере табличка: *«В кабинках не курить. В XX век без предоплаты не заходить. На массовых точках звук не включать — фонит!»*

Последнее предупреждение я повесил сам, устав объяснять клиентам, почему при попытке подслушать речь какого-нибудь известного политика прошлого или поприсутствовать на легендарном рок-концерте в наушниках вместо слов раздается тяжелый, давящий гул, похожий на шум прибоя в пустой бочке. Техники из сервисного центра говорили, что это наводки

от перегруженных серверов — слишком много декодеров по всему миру одновременно цепляются за одни и те же координаты.

— Артем, ну что там, готово? Время же идет, — раздался из третьей кабинки нетерпеливый, с легкой хрипотцой голос.

Я оторвался от монитора, поправил сползшие на кончик носа очки и щелкнул мышкой, запуская рендеринг. В третьей кабинке сидел Геннадий — грузный мужчина лет сорока пяти в потертой кожаной куртке, наш постоянный ночной клиент. Он приходил каждую пятницу, брал тариф «Безлимит» и часами смотрел на одну и ту же точку: тесную хрущевскую кухню в октябре 1994 года.

В первый раз, когда Геннадий заказал эти координаты, он вышел из кабинки серый, как пепел, и долго курил у подъезда, глядя в одну точку. На экране тогда не было ничего героического: его покойный отец, худой, небритый мужик в застиранной майке, сидел за клеенчатым столом, глушил из граненого стакана мутный самогон и нудно, с пьяной злобой выговаривал маленькому Генке за порванные на футболе кеды. Никакой отцовской любви, никаких мудрых наставлений — только перегар, раздражение и тупая усталость.

Тогда-то я и предложил ему услугу «Ретушь». За отдельную плату моя нейросеть в реальном времени перехватывала поток с квантового декодера, подчищала грязь реальности и накладывала поверх нее нужный заказчику сюжет.

— Запускаю, Геннадий Петрович, — крикнул я, нажимая «Enter». — Можете надевать наушники.

Я заглянул за пластиковую перегородку. На мониторе перед клиентом по-прежнему была та самая кухня девяносто четвертого года, но теперь солнце за окном светило ярче, клеенка на столе выглядела новее, а отец Геннадия, гладко выбритый и трезвый, с теплой, чуть грустной улыбкой трепал сына по вихрам и говорил низким, бархатным голосом, сгенерированным по образцу старых советских дикторов:

— Ничего, сынок, кеды — дело наживное. Главное, человеком хорошим расти. Я в тебя верю, Гена. Ты у меня далеко пойдешь.

Геннадий смотрел на экран, не мигая. По его небритой, грубой щеке медленно ползла слеза, оставляя блестящую дорожку. Он судорожно сглотнул, шмыгнул носом и прошептал:

— Вот... Вот таким я его и запомнил. Спасибо тебе, Артем. Человеческое спасибо.

— На здоровье, Петрович, — отозвался я, возвращаясь за свою стойку. — Через час тариф закончится, продлевать будете?

— Конечно, куда я теперь... Продлевай до утра.

Я записал долг в потрепанную тетрадь и откинулся на спинку скрипучего кресла. Совесть меня не мучила. В конце концов, я давал людям то, чего у них отнял этот чертов Просвет: право на светлую память и красивую сказку. Если правда делает человека несчастным, значит, грош цена такой правде.

Входная дверь надрывно скрипнула, впуская с улицы волну сырого ноябрьского холода и запах мокрого асфальта. На пороге стоял незнакомец — высокий, сутулый старик в длинном, не по погоде легком драповом пальто и старой фетровой шляпе. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, было болезненно-бледным, а за толстыми стеклами роговых очков беспокойно бегали выцветшие водянистые глаза.

— Доброй ночи, — тихо произнес он, подходя к стойке и опираясь на нее костлявыми, обтянутыми синеватой кожей руками. — Мне сказали, здесь можно заказать нестандартные координаты. Без лишних вопросов и... без ваших художественных фильтров.

— У нас все по закону, дедушка, — лениво ответил я, оценивая клиента. На платежеспособного он не походил, скорее на бывшего преподавателя или архивного червя, решившего потратить остатки пенсии на просмотр собственной молодости. — Частные квартиры без

согласия жильцов или их прямых наследников не показываем. Политиков и криминал девяностых — тоже.

— Мне не нужна квартира, — старик покачал головой, и с полей его шляпы на стойку скатилась крупная дождевая капля. — И девяностые мне не нужны. Мне нужен 1913 год. Осень. Уездный городок в трехстах верстах отсюда.

Я усмехнулся.

— Сразу предупреждаю: чем дальше в прошлое, тем хуже сигнал. Античность у нас вообще идет как зажеванная видеокассета, без звука и в сплошных помехах. Дореволюционную Россию вытянем, но картинка будет зернистой, черно-белой, да и звук может плавать. Что там за событие такое? Крушение поезда? Пожар?

— Никакого события, — старик достал из внутреннего кармана пальто сложенный вчетверо, пожелтевший от времени листок бумаги и положил передо мной. — Обычная комната в доходном доме. Там жил один человек. Мелкий чиновник, сочинявший по ночам никому не нужные стихи. В ноябре тринадцатого года он сошел с ума и выбросился из окна. Перед смертью он исписал все стены своей комнаты углем.

Я развернул листок. Там были выведены точные географические координаты и дата, а ниже, аккуратным каллиграфическим почерком, приведена цитата: *«Выключите свет. Мне нечем дышать от ваших глаз. Вас слишком много в этом углу»*.

— Сумасшедший как сумасшедший, мало ли их было в тринадцатом году, — пожал я плечами, вбивая цифры в программу наводки. — Зачем вам на него смотреть?

Старик взглянул на меня в упор, и мне вдруг стало не по себе от его тяжелого, немигающего взгляда.

— Понимаете, молодой человек... — тихо произнес он. — Я сорок лет проработал в закрытом институте, который первым получил доступ к квантовому сканированию. Еще до того, как китайцы превратили его в аттракцион. И мы заметили одну странную вещь. Когда в одну точку прошлого смотрят слишком много людей из будущего, там меняется плотность пространства. Начинает пахнуть озоном, падает температура, а воздух становится вязким, как кисель.

Я невольно покосился на свою самодельную табличку про «фон» на массовых точках.

— Ну и что? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — В ту каморку тринадцатого года, кроме вас, вряд ли кто-то заглядывал. Кому нужен никому не известный чиновник?

— В том-то и дело, — прошептал старик, и его тонкие губы тронула странная, пугающая улыбка. — Судя по логам центрального сервера, за последние полгода в эту комнату наводились тысячи раз. И никто не знает зачем. Будто кто-то или что-то само притягивает туда камеры. Включайте, молодой человек. Я плачу за всю ночь.

Старик полез во внутренний карман пальто и выложил на стойку несколько хрустящих купюр. Сумма с лихвой перекрывала ночной тариф даже с учетом моей наценки за «нестандартный запрос».

— В восьмую кабинку проходите, — кивнул я, пересчитав деньги. — Она в самом конце, там кресло помягче и вентилятор не так тарахтит. Наушники на крючке. Только предупреждаю сразу: если пойдет сильный гул или картинка начнет дергаться, звук убавляйте. У меня тут оборудование не новое, перегружать ни к чему.

Незнакомец тихо кашлянул и медленно побрел в глубину полуподвала, шаркая по линолеуму стоптанными ботинками. Я проводил его взглядом, потянулся к клавиатуре и принялся заводить координаты с оставленного им листка в программу наводки.

Программа задумалась. Обычно соединение с прошлым занимало секунды три-четыре: квантовый декодер нащупывал гравитационный след нужного места, синхронизировался с датой и выдавал картинку. Но сейчас индикатор загрузки на моем мониторе замигал тревож-

ным желтым цветом, а кулеры в серверной за стеной взвыли на повышенных оборотах, словно сигнал пробивался сквозь толщу свинцовых плит.

— Да что ж там такое, — пробормотал я, нахмурившись.

Наконец экран мигнул, и в окне предпросмотра проступило изображение. Оно было зернистым, черно-белым, с легкой рябью по краям, как старая кинохроника, но вполне разборчивым.

Тесная, убогая комнатушка под самой крышей. Скошенный потолок с темными подтеками от сырости, узкое окно, за которым в сером осеннем тумане угадывались черепичные крыши уездного городка. В углу — железная кровать со скомканным одеялом, у стены — грубый деревянный стол, заваленный бумагами, и керосиновая лампа с закопченным стеклом.

За столом сидел человек. Худой, лет тридцати, с впалыми щеками, всклокоченными волосами и темными кругами под глазами. На нем была помятая сорочка с засученными по локоть рукавами и старый, лоснящийся на груди жилет. Он держал в руке перо, занесенное над листом бумаги, но не писал. Он сидел совершенно неподвижно, втянув голову в плечи, и мелко дрожал.

Я надел свои контрольные наушники и щелкнул тумблером звука.

По ушам тут же ударил тот самый тяжелый, утробный гул. Но если на записях рок-концертов или площадных митингов он напоминал далекий прибой, то здесь звук был другим — сухим, шелестящим, похожим на непрерывный, сдавленный шепот тысяч людей, стоящих за тонкой стеной. И сквозь этот шепот пробивалось прерывистое, свистящее дыхание человека за столом.

Внезапно он вздрогнул, выронил перо и резко обернулся. Камера висела под самым потолком, в дальнем углу комнаты — стандартная точка обзора для хроно-сканеров. Увидеть ее было невозможно: объектива как такового не существовало, была лишь математическая точка в пространстве, куда сходились векторы нашего оборудования. Но человек из 1913 года смотрел точно в этот угол. Его глаза, лихорадочно блестевшие даже на зернистой черно-белой картинке, расширились от животного ужаса. Он медленно поднялся со стула, опрокинув его на дощатый пол, и попятился, прижимаясь спиной к ободранным обоям.

— Уйдите... — беззвучно зашевелились его пересохшие губы, и сквозь тяжелый фоновый гул в наушниках прорвался хриплый, надломленный голос: — Ради бога, уйдите отсюда. Я вас слышу. Вы дышите мне в затылок. Кто вы?!

У меня по спине пробежал холодный пот. Я машинально схватился за мышку, собираясь дернуть ползунок громкости вниз, но в этот момент из восьмой кабинки донесся глухой, сдавленный вскрик.

Я сорвался с места и бросился в конец зала.

Старик сидел в кресле, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники. Его шляпа валялась на полу. Лицо покрылось крупными каплями пота, а за стеклами очков глаза метались по экрану, не в силах оторваться.

— Выключайте! — прохрипел он, когда я отдернул пластиковую шторку кабинки. — Немедленно выключайте! Я ошибся... Мы все ошиблись!

— Да что случилось-то? — рявкнул я, глядя на его монитор.

На экране обитатель каморки из тринадцатого года прошлого века схватил со стола керосиновую лампу и с силой швырнул ее в пустой угол комнаты — прямо в невидимый объектив нашей камеры. Стекло разлетелось вдребезги, керосин вспыхнул ярким пламенем, лизнув обои. Но прежде чем огонь охватил стену, в воздухе прямо перед камерой на долю секунды возникла темная, искажающая пространство рябь — словно в комнате открылась невидимая прореха, из которой повалил густой пар.

Я рванулся обратно к стойке и выдернул шнур питания декодера из розетки. В салоне разом стало тихо, только в третьей кабинке мерно гудел вентилятор, где Геннадий все еще

смотрел на своего придуманного нейросетью, идеального отца. Я стоял посреди зала, тяжело дыша, и смотрел на свои дрожащие руки. В воздухе отчетливо пахло озоном и горелой бумагой.

Глава 2. Эффект присутствия

Первым из оцепенения вышел Геннадий. Он высунул растрепанную голову из третьей кабинки, сдвинув наушники на шею, и недовольно заворчал:

— Артем, ну что за дела? Только отец начал про рыбалку рассказывать, и вдруг все погасло. Пробки, что ли, выбило?

— Сейчас, Петрович, секунду, — отозвался я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Скачок напряжения в сети. Перезагружаю.

Я нагнулся за стойку, воткнул вилку обратно в розетку и щелкнул тумблером. Серверная за стеной привычно зашумела, замигали зеленые огоньки индикаторов. На всякий случай я полностью очистил кэш восьмой кабинки, стирая координаты 1913 года, и заново запустил трансляцию для Геннадия. Через пару секунд из-за перегородки снова донеслось довольное сопение клиента, ушедшего в свой придуманный нейросетью октябрь девяносто четвертого.

Я выпрямился, вытер влажные ладони о джинсы и медленно пошел к восьмой кабинке.

Старик уже пришел в себя. Сгорбившись на краю мягкого кресла и уперев локти в колени, он нервно мял костлявыми пальцами поднятую с пола фетровую шляпу. Когда я отодвинул шторку, на меня из-под густых седых бровей тут же уставились его мутные, растерянные глаза.

— Воды принести? — негромко спросил я. — У меня в подсобке кулер есть.

— Не нужно, благодарю, — сипло ответил старик и с усилием поднялся на ноги. Его длинное драповое пальто в полумраке кабинки казалось черным, как сутана. — Мне пора.

— Постойте, — я невольно преградил ему выход, встав в узком проходе. — Что это сейчас было? Там, на экране. Почему он бросил лампу прямо в камеру? И что за пар пошел из угла? Это ведь не помехи.

Старик горько усмехнулся. В тусклом неоновом свете его изрезанное морщинами лицо напоминало старую пергаментную карту.

— Официальная физика утверждает, молодой человек, что квантовый декодер лишь пассивно считывает гравитационный след прошлого, — тихо заговорил он, глядя куда-то мимо моего плеча. — Но любая измерительная система взаимодействует с объектом наблюдения. Это азы квантовой механики. Пока в одну точку прошлого заглядывает один человек — возмущение пространства ничтожно, меньше дрожания пылинки. Но когда в тесную каморку набиваются тысячи невидимых зрителей из будущего...

Он замолчал, подбирая слова, и тяжело вздохнул.

— Мы называли это плотностью взгляда. В точке фокуса сканеров начинает искривляться микрогравитация. Падает температура, воздух становится густым, вязким, появляется запах озона. Обычный, приземленный человек этого не заметит — спишет на сквозняк или усталость. Но люди с оголенными нервами — поэты, безумцы, эпилептики, умирающие — чувствуют чужое присутствие кожей. Они не видят наших камер, но ощущают, что за спиной у них стоит молчаливая, жадная толпа.

— И они сходят с ума, — глухо проговорил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.